

УДК 811.161.1'366+811.411.21'366

К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня)

Р. А. Аль-Фоади, В. Н. Зарытовская

Аль-Фоади Рахим Али, доктор филологических наук, доцент, Багдадский университет, Республика Ирак, raheem_3friend@yahoo.com

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, widaad@yandex.ru

В статье посредством структурно-флективного анализа арабских и русских корней устанавливаются регулярные элементы, участвующие во внутренней флексии и устанавливающие правила, которыми управляется внутренняя флексия в семитских и индоевропейских языках. Авторами выявляются научно обоснованные закономерности, имеющие перспективу составить основу разнообразных типологических работ.

Ключевые слова: русский и арабский языки, корень, внутренняя флексия, гласная модификация, целостность слова.

To the Question of Internal Inflection of the Roots in Arabic and Russian (Inflected Analysis of the Root Structure)

R. A. Al-Foadi, V. N. Zarytovskaya

Raheem A. Al-Foadi, <https://orcid.org/0000-0001-8699-9596>, University of Baghdad, Bab-Al-Muaddam, Baghdad 10047, Republic of Iraq, raheem_3friend@yahoo.com

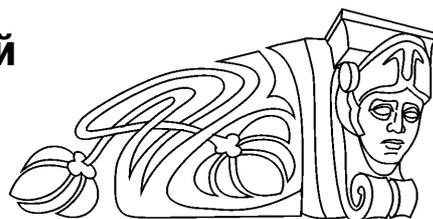
Victoria N. Zarytovskaya, <https://orcid.org/0000-0001-9910-7913>, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia, widaad@yandex.ru

The article defines the regular elements participating in the internal flexion and establishing the rules by which the internal flexion is controlled in the Semitic and Indo-European languages, based on the structural-inflectional analysis of the Arabic and Russian roots. The authors identify the scientifically proved patterns with the prospect of forming the basis of a variety of typological works.

Keywords: Russian and Arabic languages, root, internal inflection, vowel modification, integrity of the word.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>

Общепринятая дефиниция внутренней флексии (ВФ) как «способа выражения определенных значений только посредством изменения самого корня»¹, несомненно, является важной попыткой раскрыть сущность этой категории. Однако внутренняя флексия в семитских и индоевропейских языках, как будет показано ниже, представляет собой более сложное, многоуровневое явление, которое невозможно ограничить изменением корня, исключив из рассмотрения прочие элементы его структуры. Обращение к данному явлению обязывает нас не только анализировать корень с фор-

мальной точки зрения, но и выделять те языковые факторы, с помощью которых ВФ выражается, такие как гласная модификация звукового состава, правила, которыми управляется ВФ, и фонетические законы, служащие систематизирующей основой данного явления.

Начнем с того, что определение ВФ как изменения корня противоречит неопровержимым фактам классического арабского языка – представителя семитской языковой семьи и русского – представителя индоевропейской. Многовековой научный постулат о том, что семитские корни являются неизменными элементами языка, и устоявшееся в русской грамматической традиции утверждение, что «корень – носитель вещественного, лексического значения слова, центральная его часть, оставшаяся неизменной в результате морфологической деривации; выражает идею тождества слова самому себе...»² входят в противоречие с определением ВФ как изменением корня. Однако встает и другой вопрос: если ВФ обусловлена изменением корня, то невозможным станет общепринятое допущение, суть которого заключается в том, что слово представляет собой целостность при модификации его грамматической формы исключительно с помощью звука флексии³. Поскольку в данной работе учитывается не только морфологическая целостность слова, но и фонетическая, семантическая, лексическая и маркировочная, возникает следующая дилемма:

1) либо утверждать, что корень не изменяется при ВФ, а весь его звуковой состав модифицируется, чтобы не нарушалась целостность слова, его неизменность и вещественное, лексическое значение;

2) либо признать ВФ изменением корня, и тогда придется отказаться от целостности слова, неизменности корня и модификации его звукового состава.

Из данной дилеммы следует, что суждение о ВФ непосредственно зависит от четырех языковых категорий: *корня и его неизменности, модификации его звукового состава, целостности слова и вещественного, лексического значения*, которые требуют тщательного анализа, чтобы четко установить систематические правила ВФ.

1. Изменяется ли корень при внутренней флексии?

Вопрос ВФ тесно связан с конкретной языковой единицей – корнем, выделение состава кото-

рого однозначно раскрывает суть данного явления в арабском и русском языках. Зависимость ВФ от того, что корень представляет собой, неотложно обязывает лингвистов выделить его составные элементы, что поможет установить процессы, которым корень может подвергаться при ВФ.

В арабском языке корень является «основными элементами»⁴, «неделимым остатком морфологического членения в синхронном плане, безотносительным к какой бы то ни было форме слов, и в нём выделяются отдельные значимые элементы (выделено нами. – Авт.)»⁵, представленные согласными, с которыми связывается вещественное значение слова⁶. При этом выделение значимых элементов арабского корня основывается на признанной весьма последовательной, сложившейся в арабском языкознании теории звукоподражания. Данная теория применяется как к основным элементам, выделенным Ибн Джинии, так и к фонемам, на которые указывал Л. В. Щерба и которые могут выступать основой новых слов, являясь носителями семантических различий⁷. Звукоподражательная особенность арабского корня точно раскрывает его сущность, поскольку в ней играет роль порядок следования элементов, выражающий в большинстве случаев процесс, осуществленный тремя последовательными действиями. Каждое действие процесса относится к одному из трех системных элементов, что определяет, уточняет и конкретизирует состав трехгласного арабского корня⁸. Анализируя мнение Ибн Джинии об арабской звукоподражательной теории, современный лингвист Хасан Аббас объясняет механизм порядка следования элементов корня тем, что арабы создавали свои слова, соотнося звуки с признаками смысла и желаемой цели, располагая звуки по действиям процесса, т. е. первый звук подражает началу действия, второй его середине, а третий его концу⁹.

Первый элемент арабского корня выражает начальное действие процесса и в силу своей физиологической функции отражает звукоподражание, как, например, /f/, означающий отделение. Второй элемент корня, безусловно, выражает второе действие процесса, например, /t/ – повторение, а третий – заключительное действие процесса, уточняет и конкретизирует общий смысл корня. Ср.: *farada* – ‘отделять по одному, делать зарубки на дереве’, *fağaza* – ‘отделять по сортам, сортировать’, *fağaqa* – ‘разъединять’. Первые два согласных звука выражают основной смысл, а третий уточняет его. Таким образом, порядок расположения согласных корня демонстрирует систему действий, из которых состоит процесс. При этом, где бы ни располагался значимый элемент корня, он выражает одно и то же звукоподражательное значение. Так, звук /q/ выражает разрезание/отрыв как конечное действие процесса разъединения в глаголе *fağaqa* ‘разъединять’. А поскольку для разъединения необходимо от-

делить части какого-то материала, повторить отделение и разорвать связи между отделенными друг от друга частями, звукоподражательный порядок следования элементов корня *fağaqa* выражается следующим образом: /f/ – отделение, /t/ – повторение и /q/ – разрезание.

Теория Ибн Джинии о трех действиях процесса представляется нам логичной, поскольку разъединение – это не только отделение некоторых частей чего-то, но и повторение отделения этих частей, и обрыв связей между ними. Еще убедительнее данная теория становится, когда все элементы сохраняют свое звукоподражательное значение в разных местах по порядку следования в различных корнях. Так, звук /q/ означает разрезание/отрыв не только, когда он выступает в качестве последнего по порядку элемента типа *fağaqa* ‘разъединить’, но и когда он следует в качестве второго элемента. Так, *fağaqa* ‘параграфировать’ имеет одни и те же звуки, что и *fağaqa* ‘разъединить’, но действия процесса организованы в другом порядке: /f/ – отделение, /q/ – резание и /t/ – повторение, поскольку для параграфирования нужно сначала отделить параграфы друг от друга, разорвать письменную связь между ними и повторить отделение параграфов. Другими словами, отделение параграфов друг от друга и разрыв письменной связи между ними необходимо повторить, чтобы состоялся текст с несколькими параграфами. Когда же звук /q/ в слове *fağaqa* ‘разъединить’ выступает в качестве последнего элемента корня, он означает разрыв как последнее действие процесса после отделения, выраженного звуком /f/, и повторения отделения, которое выражает звук /t/. Таким образом, еще раз повторим, элементы арабского корня значимы и сохраняют свое звукоподражательное значение, где бы они ни располагались в составе одного и того же корня. Ср.:

1) /ʕr/ с общим смыслом ‘давить, жать’ – *ağara* ‘давить, сжать’, *ğara’a* ‘сдавливать’, *ga’ara* ‘испытывать сдавливающую боль’¹⁰;

2) /fqr/ с общей идеей разъединения – *fağaqa* ‘разъединить’, *fağaqa* ‘параграфировать’;

3) /kml/ есть ‘сила, могущество’: *kamala* ‘совершенствовать’, *kalama* ‘ранить’, *lamaka* ‘шевелить челюстями при речи, жевании’, *lakama* ‘бить кулаком, боксировать’¹¹;

4) /qt/ с общим смыслом оборванности, полностью оформленное повторное действие или явление – *qağara* ‘капать’, *qağata* ‘сделать пятнистым’, *ğaraqa* ‘стучать’.

Из последнего примера видно, что звук /q/ означает отрыв, поскольку капли отрываются от какой-либо жидкости, чтобы приобрели свою капельную форму, и это действие повторяется, так как его невозможно представить без повторения (/q/ – отрыв, /t/ – приобретение формы, /t/ – повторение). *qağata* ‘сделать пятнистым’ и *ğaraqa* ‘стучать’ имеют одни и те же действия процесса, но порядок их осуществления зависит от поряд-

ка следования элементов корня, которые подражают действиям самого процесса. Так, процесс образования пятен требует повторения пятен, отрыва форменных связей между пятнами и приобретения отдельной формы для каждого пятна. Тагага же 'стучать, ковать', безусловно, означает полностью оформленные, оторванные друг от друга повторяющиеся звуки, в результате которых стуканье формируется как процесс. Таким образом, звуки qṭg сохраняют свое звукоподражательное значение в разных корнях арабского языка, а арабский корень представляет собой сочетание значимых элементов, порядок следования которых подражает трем системным действиям процесса. Именно с этими элементами связывается вещественное, неграмматическое, лексическое значение арабского слова.

Перейдем к русскому корню для рассмотрения предполагаемой возможности его изменения при ВФ. В русском языке «корни составляют обычно неизменяемую часть серии словоформ и производных, входят в обширные и легко увеличивающиеся ряды, образуя нередко «вершину» словообразовательного гнезда»¹², поэтому извлечение корня зависит от устранения словообразовательных и словоизменяемых элементов с выделением неизменяемой части в однокоренных словах. Несомненно, что такие слова, как *убирать, убрать* и *убор*, являются однокоренными. В них принято выделять разные корни -бир-, -бр-, -бор-. Но если считать внутренней флексию словообразовательным средством, то нельзя признать звук /и/ (бир-) элементом неизменяемой части и следует считать только (-бр-), поскольку (-бр-) является единственной частью, которая остается после устранения словообразовательных элементов, в том числе и ВФ. Данное утверждение подкрепляется также тем, что: 1) краткие гласные никак не могут быть элементами неизменяемой части, поскольку они постоянно меняются в результате гласных чередований; 2) вещественное, лексическое значение не может быть связано с переменными элементами.

Таким образом, для арабского корня, представляющего собой элементы, с которыми связывается вещественное, лексическое значение, и русского корня, составляющего неизменяемую часть серии словоформ и производных, значительную роль играет ВФ. Но необходимо установить, изменяются ли корни этих языков при наличии ВФ. Неизменность корня проверяется двумя языковыми правилами: 1) строгим порядком следования его элементов; 2) лексическим значением корня, связанным с постоянными элементами. Если один из них изменяется, то можно считать, что корень в обоих языках изменяется, а если нет, то тогда можно подтвердить, что арабский и русский постулат о неизменности корня еще в силе. На примере арабских слов типа *daḡasa* 'изучать' → *dāris* 'изучающий', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель'

→ *kuṭāb* 'писатели' и русских слов моросить → морось; рябой → рябь; зевать → зов видно, что порядок следования элементов корня и вещественное, лексическое значение не изменились. Просто произошло чередование гласных, которые постоянно подвергаются изменениям. Арабские элементы и русская неизменяемая часть не подверглись изменениям в результате ВФ и в силу того что с ними связывается то же значение. Если бы изменился порядок следования арабских элементов, представляющих собой корень, нарушилось бы его звукоподражательное значение, поскольку, как мы указывали выше, с каждым элементом связывается определенное действие процесса. А если бы изменилась русская неизменяемая часть, с которой связывается вещественное значение в русском языке, то данное значение было бы также утрачено. Таким образом, арабский и русский корни не изменяются при ВФ, поскольку элементы, выделяемые в арабском языке в качестве корня, не устойчивы, а часть слова, выделенная в русском языке как корень, сохранилась. Строгий порядок следования арабских элементов и русской неизменяемой части доказывает, что *как бы ни категоризовался корень, он остается неизменным*, например, араб. *daḡasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен' → *dāris* 'изучающийся', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель' → *kuṭāb* 'писатели'; рус. *убирать* → *убрать* → *убор* → *убери*; *моросить* → *морось*, *зевать* → *зов*. В данных примерах выделяются в арабском *drs* с общей идеей 'учёба' и *ktb* с общим смыслом 'письмо' и в русском -бр- с общей идеей 'убрать', -мрс- с общим значением «морось» и -зв- со значением 'зевоты', именно они являются единственными элементами, которые никак не подвергаются изменениям при языковой категоризации.

Далее возникает вопрос: если арабские и русские корни не изменяются в этих языках, то тогда чем выражается семантическая, морфологическая и лексическая категоризация корней в данных языках? Самое очевидное изменение, которое можно выделить при ВФ, – это чередование гласных. Но может ли данное изменение повлиять на согласный состав корня? Этот вопрос выясняется при анализе гласного состава корня (гласной модификации) в обоих языках, поскольку корень категоризируется семантически, морфологически и лексически.

2. Гласная модификация при внутренней флексии

Неизменность арабских и русских корней обязывает нас выделить другое средство, которым созданные ВФ производные слова должны отличаться от их производящих корней. Новые слова, в том числе и те, что образованы ВФ, возникают в любом языке по определенным правилам, действующим в нем¹³. В производных словах однозначно выделяются форманты типа

учить – учитель, читать – читатель, писать – писатель, являющиеся обязательным отличием от их мотивирующих корней. Невозможность выделения форманта или выделение нулевого форманта не решают проблемы слов, образованных ВФ. В словах типа араб. *darb* ‘дорога – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ → *duḡūb* ‘дороги – сущ. м.р. мн.ч. им.п.’, *qalb* ‘сердце – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ → *qulūb* ‘сердца – сущ. м.р. мн.ч. им.п.’; *ḥaraṭa* ‘пахать – неопр. ф. гл.’ → *ḥārīt* ‘пахарь – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ и рус. убирать – убрать, уносить – унести, моросить – морось, рябой – рябь нет аффикса, который можно выделить в качестве форманта. Семантические, морфологические и лексические значения в них выразились *одним категориальным процессом*. В результате данной категоризации производные слова приобрели реальные языковые значения, которые нельзя выразить чем-то нулевым. К тому же вещественное, лексическое значение имеет устойчивый языковой характер, не передающийся измененными гласными. Гласные изменяются в результате чередования, а неустойчивыми элементами невозможно выразить что-то постоянное. Если гласные были бы средством выражения каких-то значений, лексические и семантические значения разных корней, обладающих одним и тем же гласным составом, имели бы общие семантические составляющие¹⁴, например, араб. *ḥalaqa* ‘творить, создать’, *ḥarasa* ‘охранять’, *darasa* ‘изучать’, *kataba* ‘писать’ и другие и рус. убирать, убивать, утешать; сечь, печь, течь, жечь; читать, чикать, чихать и др.

Более того, выделение гласных как отдельных звуков на письме в арабском отрицается при определении деривационного форманта ВФ, и гласные, которые часто подвергаются чередованию, принято считать неотделимой частью согласных. Так, Ибн Джинии установил, что согласный и «оживляющий» его, согласно арабской терминологии, гласный в слоге произносятся как один звук. Он основал свою теорию на том, что произношение звука /м/ без гласного приводит к тому, что данный звук произносится только через нос. Но если мы «оживляем» его гласным звуком /а/, то он произносится с большей долей естественности как /ма/¹⁵. Мнение арабского средневекового лингвиста Ибн Джинии было подтверждено русским языковедом Ф. И. Буслаевым, установившим, что «гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же – тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием»¹⁶. Данный научный постулат о невозможности отделения гласных от согласных, установленный Ибн Джинии и утверченный Ф. И. Буслаевым, подробно был описан немецким ученым В. фон Гумбольдтом, четко доказавшим, что гласные не отделяются от согласных. Первые способствуют *модификации* вторых тем, что «в действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются

слухом в неразрывном единстве. Для того чтобы на письме обозначать эту естественную связь, было бы правильнее изображать гласные не как отдельные буквы, а лишь как модификации согласных, как это принято в целом ряде азиатских алфавитов»¹⁷. Следовательно, нельзя выделить чистые гласные чередования как средство выражения определенных значений при ВФ, поскольку невозможно отделить их от модифицированных ими согласных.

Если корень в русском и арабском языках не изменяется и чередование гласных не может быть средством выражения определенных значений, то тогда чем выражаются *языковые значения* русских и арабских корней, категоризованных посредством ВФ? Ключ к решению этого вопроса находим в теории Ибн Джинии, доказавшего, что гласный является средством «оживления» согласного. Долгота/краткость согласного, которая изменяется в результате чередования модифицирующих их гласных, приводит к количественному, а не качественному изменению позиционно устойчивого согласного. В то же время долгота/краткость всех гласных в слове зависит от ударного гласного, в результате чередования которого вся гласная сила корня изменяется, например, араб. *darasa* ‘изучать’ → *dāris* ‘изучающий’, *dars* ‘урок’ → *duḡūs* ‘уроки’, *kataba* ‘писать’ → *kātib* ‘писатель’ → *kutāb* ‘писатели’; рус. моросить → морось, рябой → рябь, зевать → зов. Очевидно, что долгота/краткость гласных изменилась в результате чередования, что привело к количественному изменению модифицированных ими согласных. Таким образом, происходит изменение гласного состава, влекущего за собой количественное изменение согласных корня, «оживленных» гласными. Так, согласный звук /р/ вместе со своим оживляющим гласным /я/ в мотивирующем слове *рябой* произносится короче самого себя в мотивированном слове *рябь*, а согласный /б/ во втором слоге мотивированного *рябь* утратил вторую гласную долготу в пользу первого слога. То есть согласные в мотивирующем слове количественно отличаются от самих себя в мотивированных словах в результате ВФ. И это отличие обосновывается тем, что «согласные звуки необходимо сопровождаются движением воздуха, который по отверстию, где проходит, и по месту, где образует звук, определяет *различные согласные звуки* (выделено нами. – Авт.)»¹⁸. Поэтому слова одного и того же корня с одними и теми же согласными могут обладать количественно измененным значением в рамках общего смысла, типа согласных (с-л-в), с которыми связывается общая идея того, что слушается и распространяется, например, рус. слушать и слышать; араб. *sāmaḥa* ‘простить’ и *samaḥa* ‘разрешить’, *salama* ‘здороваться’ и *sālama* ‘помириться’.

Итак, в результате чередования гласные могут полностью измениться, а согласные – только

количественно, что приводит к возникновению языкового явления, которое мы называем *гласной модификацией*. Под этим явлением понимается изменение взаимосвязанного гласного состава корня, зависящего от ударного слога, которое причиняет количественное изменение позиционно устойчивого согласного состава, что приводит к модификации всего звукового количества слова.

Гласные зависят друг от друга, и долгота/краткость каждого из них подчиняется изменению гласной силы ударного слога, в то время как модифицированные гласными согласные составляют *звуковое единство корня*. При данном единстве согласные и гласные элементы представляют собой единое звуковое целое, с которым связываются семантические, морфологические и лексические значения, например, араб. *kātib* 'писатель' – м.р. ед.ч. им.п., *raǧul* 'мужчина' – сущ. м.р. ед.ч. им.п.; рус. дом, рябой, берег; англ. *foot* 'нога', *mouse* 'мышь', *understand* 'понять', *tooth* 'зуб'.

Общая количественная модификация звукового единства корня, причиненная чередованием гласных, при котором гласные могут чередоваться с другими гласными, а согласные изменяются количественно в результате изменения модифицирующих их гласных, приводит к полной языковой категоризации корней в арабском и русском языках. Данную модификацию (звучание) мы выделяем в качестве форманта-средства выражения ВФ, ср. *kātib* 'писатель' – м.р., ед.ч., им.п. → *kutāb* 'писатели' – м.р. мн.ч. им.п., *raǧul* 'мужчина' – сущ. м.р. ед.ч. им.п. → *raǧal* 'мужчины' – м.р. мн.ч. им.п.; рус. рябой → рябь, убирать → убрать, берег → берега; англ. *foot* 'нога' → *feet* 'ноги', *mouse* 'мышь' → *mice* 'мыши', *understand* 'понять' → *understood* 'понял(ла)(ли)', *tooth* 'зуб' → *teeth* 'зубы'.

Еще арабские лингвисты Средневековья четко установили ритмичную систему морфологических моделей для фонетического изменения звучания корней, по которым производные слова образуются по определенному ритму:

1) модель /fā'il/, которой по ритму соответствуют производные слова со словообразовательным значением сущ. или прич. действ. залога м.р. ед.ч. им.п., типа *darasa* 'изучать' → *dāris* 'изучающий, ученик', *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель', *fahama* 'понять' → *fāhim* 'понимающий', *ḥarasa* 'охранять' → *ḥāris* 'охранник, охраняющий';

2) модель /fa'ala/, которая выражает неопределенную форму глагола пр. вр. м.р. ед.ч. Этой модели соответствуют все трехсогласные арабские глаголы: *'amala* 'работать, работал', *ḥalaqa* 'творить, творил', *kataba* 'писать, писал', *ḥamala* 'носить, носил', *'alama* 'знать, знал', *ḥarasa* 'охранять, охранял';

3) модель /fu'ila/, которой должны соответствовать все глаголы страд. залога м.р., ед.ч., им.п. арабского языка типа *kataba* 'написать' → *kutiba* 'был написан', *darasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен', *ḥalaqa* 'творить' → *ḥuliqa* 'был сотворен';

4) модель /fu'ul/, которой соответствует некоторые слова арабского ломаного мн.ч. м.р. им.п., типа *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки', *jild* 'кожа' → *juḷūd* 'кожи', *ḥarf* 'буква' → *ḥurūf* 'буквы' и др.

Арабский корень может категоризоваться по всем этим моделям, приобретая все их словообразовательные значения, но никогда не изменяется при ВФ, сохраняя свое вещественное, лексическое значение, связанное с согласным составом. Например: *fa'ala* – *darasa* 'изучать' → /fā'il/ – *dāris* 'изучающий, ученик' → /fu'ila/ *durisa* 'был изучен', /fu'ul/ – *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'.

Способность арабского корня так точно категоризоваться и рифмоваться по слогам и звуковым единствам разных моделей показывает, что все согласные фонемы, «орошенные» чередующимися гласными, количественно модифицируются. Совокупность слоговых модификаций, составляющих звуковое единство, образованное по определенной модели, есть новое звучание, которое мы выделяем в качестве *средства выражения ВФ* в русском и арабском языках. В силу того что каждый согласный звук может дольше или короче произноситься в зависимости от того гласного звука, произносительная сила которого изменяется в результате чередований, все гласные и согласные арабских и русских корней модифицируются. Данная модификация приводит к разному звучанию одного и того же согласного состава корня, которые невозможно четко обозначить на письме, но созвучие слов одной словообразовательной модели друг с другом легко устанавливается, например: *qarn* 'век' → *qirūn* 'века', *qadaḥ* 'кожа' → *aqadaḥ* 'стаканы'.

В арабском письме все звуковые изменения, происходящие с гласными в результате ВФ, четко фиксируются, так как вызывают разные звучания, отличающиеся друг от друга звуковыми единствами неизменного арабского корня. Однако в арабском краткие гласные не пишутся как отдельные буквы, а обозначаются надстрочными/подстрочными знаками, которые формально и оцутимо изменяются при ВФ.

В русском языке краткие гласные пишутся в строке, поэтому в нем трудно маркировать количественные произносительные изменения согласного состава на письме. Несмотря на то что русские краткие гласные подчиняются одному и тому же фонетическому правилу, причиняющему не только изменение звучания одного слога как элемента звукового единства корня, но и изменение звучания всех элементов звукового единства, они имеют одну и ту же письменную форму при флексивной категоризации. В словах типа рябой – рябь, моросить – морось все согласные элементы мотивирующей базы (рябой и моросить) количественно изменились в результате чередования модифицирующих гласных, но все звуки сохранили свою письменную форму, хотя звучания производных основ (рябь и морось) отличаются от звучаний мотивирующих их слов.

Данные изменения звучания, не отраженные формально выраженными средствами, являются единственным способом выражения языковых значений. При этом некорректно выделять нулевой аффикс, поскольку есть ощутимые, хотя формально не отраженные изменения звучания, с которыми связываются морфологические, семантические и лексические значения слов.

Отказ от нулевого форманта и признание отличного звучания, причиненного гласной модификацией, средством выражения значений свидетельствует о том, что звуковые количественные изменения, не отраженные формально при ВФ, есть формант, который остается после сравнения производящих слов с производными. Это обосновано тем, что «значение производного слова, главным образом, опирается на значение производящего, в основе которого можно выделить два компонента: мотивирующую основу (ту часть, которая в формальном отношении тождественна или наиболее близка к основе мотивирующего слова) и оставшуюся часть – формант»¹⁹.

Итак, в арабском языке корень четко выделяется и очевидными оказываются его неизменность и изменение звучания, выражающее языковые значения. Что касается русского языка, то гласная модификация в нем осуществляется не менее ощутимо, поскольку при произношении русских слов, образованных ВФ, ясно определяется изменение звучания, причиненное чередованием гласных.

3. Целостность слова и законы, которыми управляется внутренняя флексия

Неизменность корня и гласная модификация дополняются третьим законом ВФ – целостностью слова, так как грамматическая форма слова, модифицированная исключительно с помощью звука флексии, представляет собой целостность. Целостность вообще рассматривается как *целое, система, единство*, что объясняет точную организацию законов ВФ, систематизированных поэтапно по прогрессивно развивающейся системе. Неизменность корня есть основной скелет, с которым связывается вещественное, лексическое значение, а гласная модификация не нарушает состава корня, она лишь его обрабатывает, чтобы корень категорировался без нарушения лексического значения. Данная модификация гарантирует звуковое единство корня, которое является основой целостности слова как единого грамматического слышимого состава.

Целостность как единство можно трактовать и как «зависимость каждого элемента и его свойств от его места внутри целого»²⁰. При этом вызывает интерес, что данный постулат о зависимости элементов корня друг от друга ярко отражается в арабском и русском языках. Три действия процесса, связанные с тремя элементами арабско-

го корня типа *faqa* ‘разъединить’ (/f/ – отделение, /t/ – повторение и /q/ – разрезание), очень четко демонстрируют зависимость элементов корня друг от друга, их свойства уточняют друг друга. Сохраняя данную зависимость, они подвергаются гласной модификации, в результате которой приобретают свои морфологические маркеры – *fuqā* ‘был разъединён’. Порядок расположения элементов корня раскрывает их зависимость как комплиментарные действия одного процесса. Они напоминают компоненты бимотивации, которые определяют, дополняют и конкретизируют общий смысл посредством взаимозависимости²¹. Кроме того, данная зависимость элементов арабского корня есть некое семантическое единство, обладающее фоносемантическим характером²². Элементы русского корня тоже зависимы друг от друга и составляют семантическое единство, способное на морфологическую категоризацию, при которой оно сохраняется. В русских словах типа слушать, слух, слова общая идея корня связывается с двумя первыми элементами (сл-) и далее конкретизируется третьим элементом – слыть, слово, слушать. Русский корень может проявлять и другое свойство определения элементов друг другом, где первый элемент семантического единства представляется основным и дальше уточняется вторым элементом – дар, дань. Наряду с этими признаками целостности слова можно выделить и третий ее признак, когда «объект представляет целостность, если в нем реализован определенный способ членения на элементы»²³.

В силу того что русский и арабский корни представляют семантическое единство, их элементы находятся во взаимной зависимости друг от друга и четко выделяются, они могут обладать следующими языковыми целостностями, которые сохраняются при ВФ.

Фонетическая целостность корня объясняется звуковым единством, при котором гласный является модификатором согласного. Все согласные зависят от «оживляющих» их гласных, а долгота/краткость гласных зависит от места ударного гласного. При этом любое изменение, произведенное в результате чередования гласных, не может нарушить эту фонетическую целостность, так как нельзя произнести согласный звук без оживляющего его гласного, иначе при нарушении данной связи утрачивается звуковая гармония слова. Поэтому элементы данного звукового единства зависят друг от друга, и долгота/краткость каждого элемента имеет значение, что способствует сохранению фонетической целостности корня при внутренней флексии по трем критериям: 1) единству или системе, которую элементы составляют; 2) зависимости каждого элемента от другого; 3) четкому выделению каждого элемента. Например, араб. ‘aīn ‘глаз’ – ‘uīn ‘глаза’, dam‘a ‘слеза’ – dumī ‘слезы’, qalb ‘сердце’ – qulūb ‘сердца’, ‘aqs ‘погода’ – ‘uqūs ‘погоды’ и др.; рус. дом – дома, век – века, берег – берега и др.

Семантическая целостность корня при внутренней флексии сохраняется благодаря тому, что лексическое значение корня, связанное с его элементами, не нарушается. Устойчивость порядка расположения элементов корня гарантирует прогрессивное действие этой системы, элементы которой зависят друг от друга (см. выше о значимом порядке корня) и четко выделяются. Например, араб. *darasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен' → *dāris* 'изучающий', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель' → *kutāb* 'писатели'; рус. убирать, убрать, убор, уברי; моросить → морось, зевать → зов. Из примеров видно, что фонетические изменения внутренней флексии не смогли нарушить порядка значимых элементов корня при флективной категоризации, также сохранилась общая идея корня, связанная с ними.

Морфонологическая целостность определяется тем, что при ней сохраняется фонетическая и семантическая целостность. Она образуется по морфонологическим моделям, представляющим собой систему звучания, в которой элементы корня ритмично и гармонично зависят друг от друга и легко выделяются, образуя единое звучание для всех корней одного и того же словообразовательного типа. Сохранение же семантической целостности при морфонологической осуществляется путем недопустимости присоединения к корню лишних языковых средств, которые могут нарушить его семантику. В свою очередь, фонетическая целостность оберегается посредством систематической гласной модификации. Таким образом, образуются разные модели, с которыми рифмуются все производные слова одного и того же деривационного типа между собой. Например, араб. 1) модель (*āfāl*), которой соответствуют дериваты, обозначающие ломаное множественное число мужского рода типа *faraḥ* 'радость' → *āfrah* 'радости', *taraḥ* 'грусть' → *ātrah* 'грусти', *ṭifl* 'ребёнок' → *āṭfal* 'дети' и др.; 2) модель (*fī'āl*), по образцу которой образуется ломаное множественное число типа *balad* 'страна' → *bilād* 'страны', *ṭamara* 'ягода' → *ṭimār* 'ягоды', *raḥul* 'мужчина' → *riḥāl* 'мужчины' и др.; рус. 1) убирать → убрать, забирать → забрать, выбирать → выбрать; 2) берег → берега, дом → дома, век → века; 3) увозить → увезти, уносить → унести; течь → тёк, влечь → влёл, печь → пёк и др.

Маркировочная целостность слов, образованных внутренней флексией, заключается в том, что весь звуковой состав корня является грамматическим маркером. Поскольку все элементы корня модифицируются в результате гласной модификации, то невозможно вычленив отдельный модифицированный звук в качестве маркера какого-то значения, так как модификация элементов корня есть взаимосвязанный процесс, в котором все элементы зависят друг от друга.

Процесс флективной категоризации приводит к модификации всех языковых значений

– семантических, морфологических, лексических, поэтому нельзя выделить какой-то звук как маркер определенного значения. Маркировочная целостность четко определяется по трем законам целостности слова.

1. Звуковая материя корня реализуется в системе, где каждая модель определяет построение звуковой ткани и только с целым строением связывается определенный маркер. Например, араб. *fā'il* – модель, обозначающая сущ. и прич. м.р. ед.ч. им.п.: *gābiḥ* 'выигрывающий', *ḥāfiḍ* 'сберегающий, хранитель' и т. д. При сравнении производного слова с его производящей основой сразу бросается в глаза, что весь звуковой состав корня модифицировался. Поэтому нельзя выделить один звук в качестве маркера указанного значения. Ср.: *sabaḥa* 'купаться' → *sābiḥ* 'купающийся', *fahama* 'понять' → *fāhim* 'понимающий'; рус. зажигать → зажёл, поджигать → поджог.

2. Все элементы модифицированных корней зависят друг от друга, т. е. вся звуковая материя взаимосвязана, так как качество гласных зависит от ударения, а каждый согласный модифицируется гласным. Следовательно, все звучание корня выделяется как грамматический маркер и выделение одного звука корня в качестве маркера в силу модификации всех звуков корня не позволительно. Только модификация в целом является формантом, которым производные слова отличаются от производных.

3. При маркировочной целостности четко вычлениваются элементы структуры корня и легко выделяется механизм модификации, которому они подвергаются. Модель, по которой они формируются, показывает, как модифицируется каждый элемент и как он отделяется от другого элемента, поскольку весь процесс слоговой модификации четок и систематичен.

Кроме того, маркировочная целостность корня выражается еще тем, что только элементы корня могут участвовать в процессе приобретения грамматического маркера. Другими словами, грамматический маркер не образуется процессами присоединения к корню лишнего элемента.

Итак, в данной работе на материале русского и арабского языков, исходя из критического отношения к определению ВФ как изменению состава корня, мы проанализировали сложное явление внутренней флексии, принимая во внимание аксиому не только морфологической целостности слова, но и фонетической, семантической, лексической и маркировочной его целостности. Нами было еще раз подтверждено, что элементы, составляющие арабский корень, неизменны, сохраняют свою звукоподражательную характеристику в разных корнях арабского языка, при этом порядок их следования в корне подражает трем системным действиям процесса и именно с этими элементами связывается вещественное, неграмматическое, лексическое значение арабского слова. В русском языке мы также отверг-

ли возможность изменения корня при ВФ, приняв во внимание то, что краткие гласные никак не могут быть элементами неизменяемой части, поскольку они постоянно меняются в результате гласных чередований. Нами было установлено, как при неизменности корня в обоих языках выражается семантическая, морфологическая и лексическая его категоризация. Отвергнув выделение нулевого аффикса по ряду причин как некорректное, а чередование гласных как явление непостоянное, единственным способом выражения языкового значения, отличающим мотивирующую основу от производного, нами была признана, как в русском, так и в арабском языках, количественная модификация согласного звука. При этом, как оказалось, в русском языке, в отличие от арабского, осязаемые изменения звучания при количественной модификации согласного не отражены формально выраженными средствами. Совокупность слоговых модификаций, составляющих звуковое единство, образованное по определенной модели, есть новое звучание, которое мы выделили в качестве средства выражения ВФ в русском и арабском языках. Также была доказана фонетическая, морфонологическая и маркировочная целостности слова при ВФ.

Примечания

- ¹ Мельчук И. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // *Вопр. языкознания*. 1963. № 4. С. 27.
- ² БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 242.
- ³ См.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 343.
- ⁴ *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Al'taşrîf Al'maluki [Translation form Arabic : Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Morphology. Cairo, 1950. P. 2].
- ⁵ Белкин В. Арабская лексикология. М., 1975. С. 60.
- ⁶ См.: Гранде Б. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1961. С. 11.
- ⁷ См.: Щерба Л. Языковая система как деятельность. М., 2004. С. 150.
- ⁸ См.: Аль-Фоади Р. Один ключ от двери в бескрайний

мир арабского языка : основные показатели флективности. Берлин, 2014.

- ⁹ См.: *Abbas H. Ḥaşa'ş al'ḥurūf Al'arabia ua ma'ānihā* [Translation form Arabic: Hasan A. The Features of Arabic letters and their meaning. Damascus, 1998. P. 17].
- ¹⁰ См.: Аль-Фоади Р. Принципы фонограмматики в приложении к прогрессивной языковой категоризации арабских и русских корней // *Филологические науки. Языкознание. Научные доклады высшей школы*. 2016. № 6. С. 20–26.
- ¹¹ См.: *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Khasais. tahqiq Mohamed Ali Alnajjar [Translation form Arabic: Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Features. Baghdad, 1990. P. 8].
- ¹² БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. С. 242.
- ¹³ См.: Карам Р. Межморфемные мотивационные отношения зоокомпозигов // *Филологос*. 2009. Вып. 5 (1–2). С. 70–75.
- ¹⁴ См.: Аль-Фоади Р. Принципы фонограмматики в приложении к прогрессивной языковой категоризации арабских и русских корней.
- ¹⁵ См.: *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Al'Khasais [Translation form Arabic: Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Features. Cairo, 2012. P. 23–25].
- ¹⁶ Буслаев Ф. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 199.
- ¹⁷ Гумбольдт В. Указ. соч. С. 86–87.
- ¹⁸ Буслаев Ф. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁹ Карам Р. Метафорическая деривация сложных дериватов в русском языке // *Тест – дискурс – картина мира : межвуз. сб. науч. тр.* 2011. Вып. 7. Воронеж, 2011. С. 64.
- ²⁰ Резник Ю. Введение в социальную теорию : Социальная системология. М., 2003. С. 508.
- ²¹ См.: Карам Р. Словообразовательная модель как словообразовательная единица и сопровождающие её явления в зоокомпозигах // *Европейские языки : историография, теория, история : межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 7. Елец, 2009. С. 23–31.
- ²² См.: Аль-Фоади Р. Прогрессивная семантическая фонограмматика : принципы арабской фоноструктуры // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5 (47). С. 13–23.
- ²³ Смирнов Г. К определению целостного идеального объекта. Системные исследования. М., 1997. С. 67.

Образец для цитирования:

Аль-Фоади Р. А., Зарытовская В. Н. К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 268–275. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>

Cite this article as:

Al-Foadi R. A., Zarytovskaya V. N. To the Question of Internal Inflection of the Roots in Arabic and Russian (Inflected Analysis of the Root Structure). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 268–275 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>